

**ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ ВЛАДЕЛЬЧЕСКИХ
ПОВИННОСТЕЙ МОНАСТЫРСКИХ КРЕСТЬЯН СЕВЕРО-
ЗАПАДА РОССИИ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в.**

Вторая четверть XVIII в. характеризовалась развитием рыночных отношений вширь, проникновением их в отдаленные районы России, и в глубину – охватом не только промысловых занятий населения, но и земледелия. Рыночные отношения оказывали воздействие на феодальные хозяйства, владельцы которых стремились приспособиться к новым условиям. Изменялась экономическая структура таких имений. Однако подавляющая масса владений втягивалась в рыночные отношения медленно. Это прежде всего относится к хозяйствам духовных феодалов. Если в предшествующие столетия монастырские вотчины экономически представляли собой хорошо организованные хозяйства, то в первой половине XVIII в. их состояние ухудшилось. Комплекс архивных документов фонда Александро-Свирского монастыря позволяет подробно обрисовать организацию вотчинного хозяйства, формы эксплуатации зависимых крестьян во второй четверти XVIII в. В этот период монастырь увеличил отработочные повинности. Почти вдвое выросли нормы на жатве – с 30 суслонов ржи и 60 суслонов овса с тягла в “1 лук” в первой четверти XVIII в. до 50 суслонов ржи и 100 суслонов овса во второй четверти столетия. Введена новая повинность – вывоз навоза на поля. Работа выполнялась крестьянами на своих лошадях с “1 лука” по 6 дней.

В прошлые времена для косьбы монастырских лугов крестьяне высылали только косцов. Сгребали и метали сено монастырские служки и нанятые монастырем работники. Теперь же власти все работы на покосе переложили на крепостных, так что каждый взрослый должен был 20 дней с “1 лука” отбыть на покосе¹. Резко возрос объем повседневных работ. В 1722-1723 гг. “недельная работа” составляла 3 недели с тягла в “1 лук”, в 1728 г. – 8 недель в год. В челобитной 1760 г. крестьяне жаловались на то, что в 1759 г. архимандрит в самое горячее время, летом заставил крестьян 7 недель ремонтировать монастырскую мельницу. В прежние времена это делали нанятые монастырем работники. Тогда же монастырь предпринял попытку принудить выполнять отработочные повинности в полном объеме крестьян деревень, в первой четверти XVIII в. вносивших только денежный оброк². Обслуживание рыбных тонь ловцами, мельниц - мельниками, возка

в зимнее время дров, бревен, теса, скалы, извести – все на крестьянских лошадях, прядение монастырской пеньки, изготовление толокна и т. д. – таково изнурительное изделие. Его размеры целиком зависели от произвола феодала. Архивные материалы позволяют определить величину отработок, приходившихся на 1 крестьянский двор. Весной каждый двор высылал 1 человека на 5 дней пахать монастырскую пашню. В середине июня все крестьяне “без остатка” выгонялись для возки навоза на поля, “который разбивают, расстилают и запахивают”. Норма выработки – 6 дней с “1 лука”, приблизительно 5 дней с 1 двора. А в пору сенокоса с “1 лука” – 20 дней. Требовалось отряжать 2-х человек – косца и гребца. В итоге около 30 дней взрослые крестьяне каждого двора трудились на монастырских лугах. На жатву яровых и озимых хлебов отводилась 9 дней с “1 лука” или 7 дней с двора; посев озимых 6 дней с “1 лука” или 5 дней с двора. Безусловно, эти цифры приблизительны, ибо работы не ограничивались указанными нормами, чаще всего их превышали. Сами монастырские власти в официальных отчетах сообщали, что “для кошения и грабитвы сена и для жатвы и собирания хлеба работают крестьяне и крестьянки не поровну в год, в дождливые времена и больше”. Иногда уборочная затягивалась на полтора, а то и два месяца³. Много времени отнимали текущие работы: ремонтные, строительные в конюшнях, амбарах, сетовязнях, мельницах, рубка и возка дров и т.д. Порядок высылки на эти работы в разные годы менялся. Как и в первой четверти XVIII в., использовались либо “годовые работники”, либо “недельные”. В 30-е начале 50-х гг. монастырь предпочитал требовать “годовых работников”. Каждая волость их выделяла, исходя из общего числа тягол – “луков”, наложенных на жителей. А мирские власти проводили раскладку по дворам. В 30-40 гг. крестьяне вместо себя подряжали в “годовые работники” “наймитов”, оплачивая их труд 7 руб. на год. Сами крестьяне эту процедуру называли “наймом”. В 1736 и 1738 г. в монастыре ежегодно работало по 39 “наймитов”. Следовательно, в год на наем “годовых работников” крестьяне расходовали 273 руб., каждый двор в среднем тратил около 2 руб. на оплату наймитов. Вероятно, со временем сумма найма возросла, так как в 1753 г. крестьяне отказались нанимать “годовых работников”. В челобитной монастырским властям свой отказ они мотивировали “всеконечным разорением”. В жалобе содержалась просьба принять на лето “недельных работников” из числа самих крестьян, “чтоб повелено было поочередно ходить на работу”. Челобитье было удовлетворено. Помимо “недельных работников”, крестьяне должны были выделять на год 6 сторожей и 4-х мельников. Подсчет показал, что 34 чел./дня в году крестьяне каждого двора отбывали “недельную” работу в монастыре⁴.

Наибольший объем работ приходился на 5 летних месяцев. В дополнение летом с крестьян требовали 3-х пастухов, а весной и осенью на

4 месяца – 12 ловцов рыбы. В общей сложности каждый крестьянский двор в течение летнего времени должен был отработать в монастыре 71,5 чел./дн., а в неделю около 4 чел./дн. Во второй четверти XVIII в. несравненно чаще, чем в начале столетия, вотчинные власти производили замену изделья денежными платежами. Последнее позволяет выразить величину отработочной ренты в деньгах. Пахота, возка навоза, посев озимых оценивались по 10 коп., сенокос – 8 коп. в день 1 человеку. Ужин 50 суслонов ржи или овса заменяли выплатой 50 коп. за каждый вид работы. Пастуху за 6 месяцев пастбы – 4 руб. 50 коп. “Недельная работа” оценивалась 10 коп. за день⁵. Общая же величина изделья 1 крестьянского двора в денежном исчислении достигала 7 руб. 70 коп. в год. При денежной оценке отработочной ренты нужно иметь в виду, что нашими расчетами не учтен целый ряд работ, которые ежегодно выполняли крестьяне: пряли пряжу по 10 фунтов с каждого “лука”, делали толочно из зерна, сверх всякой нормы производили различные срочные работы. Однако и полученная сумма весьма убедительно показывает насколько возросли за истекшие 20 лет в Александро-Свирской вотчине размеры изделья. В первой четверти XVIII в. их величина была в два с лишним раза ниже и составляла с одного крестьянского двора около 3 руб. 26 коп. Подобная форма эксплуатации была очень удобна феодалу - монастырю. Она с трудом поддавалась учету. При желании вотчинник мог увеличить ее до необычных размеров. Не случайно барщина в скрытой форме, в форме отработок просуществовала в России до начала XX в.

Натуральная часть феодальной ренты, как и в первой четверти XVIII в., включала выплату “пятины”, столовых и лесных припасов. Тяжелым платежом оставался хлебный оброк, хотя с годами поступления “пятины” в монастырские житницы уменьшались. Это объясняется как падением роли земледелия в хозяйствах крестьян, так и прогрессирующим расслоением крепостных вотчины, обеднением значительной части дворов. В урожайный 1754 г. величина “пятины” равнялась лишь 1 четверти 2,5 четверика всех зерновых с 1 двора, в пересчете на деньги 2 руб. 71 коп., в то время как в урожайный 1720 г. ее величина в расчете на 1 двор составляла 4 четверти 2,4 четверика на сумму 8 руб. 66 коп⁶. Помимо хлебной “пятины”, с каждого двора брали по 1 фунту коровьего масла, 8 штук яиц, по 2,4 фунта сухих грибов общей стоимостью 11 коп. Как и прежде, крестьяне обязаны были давать в монастырь “лесные припасы” с 1 двора: теса 4 штуки, скалы бересты 7,3 штуки, дубовой коры или ивняка по 1 аршину, дров по 1,4 сажени, бревен по 4,4 штуки – на сумму 1 руб. 96 коп. Общая величина натуральных повинностей 1 крестьянского двора в пересчете на деньги равнялась в среднем 4 руб. 78 коп. Из них около 57% приходилось на пятинные взносы. По сравнению с первой четвертью XVIII в. натуральная

часть ренты сократилась в 2 раза, что обусловлено уменьшением поступления “пятины”. Говоря о величине натуральной части ренты, нужно также иметь в виду, что монастырь систематически нарушал установленные нормы. Так случилось в неурожайный и “скотыего падеж” 1758 г. Осенью во время обмолота ржи монастырь потребовал соломы ржаной и яровой с каждого “лука” по 5 тукачей⁷. Между тем постав соломы не входила в повинность крестьян. В 1752 г. по указу вотчинных контор крепостные Люговской волости выделили липовых веревков каждого “лука” по 20 сажень. Деревни Сермаксы в августе 1752 г. по приказу архимандрита “к празднику чудотворцевой памяти” поставили в монастырь бочку сигов и бочку лососей, в сентябре д. Гакручей – бочку икры и бочек сигов и в ноябре еще 6 бочек рыбы, 5 пудов икры. В 1759 г. в крестьяне сверх нормы рубили бревна и дрова для монастырского подворья в Олонце, возили их на своих лошадях. Недоимку выплачивали деньгами расчета 40 коп. за сажень⁸. Перечень экстренных поборов и работ можно было бы продолжить. Общая сумма всех видов ренты составила 12 руб. 43 коп. на 1 двор.

Денежный оброк продолжал существовать в промысловых деревнях Сермаксы и Гакручей. Помимо денежного платежа в 2 руб. 20 коп. с двора в год, крестьяне были обязаны выполнять большой объем издельных работ: косить сено, рубить дрова, ремонтировать рыбные тони и т.д., а также поставлять натурой определенное количество рыбы⁹. В основной части вотчины денежного оброка не было. Но монастырские власти практиковали замену натуральных взносов и работ деньгами. В годы неурожая со всех крестьян “деньгами брали за “пятинный” хлеб и “столовые припасы” по местным торговым ценам. В 30-40-х гг. деньгами крестьяне оплачивали труд нанятых ими “годовых” работников. Иногда вместо пастухов для пастьбы монастырского стада, ловцов рыбы, сторожей и т.д. также собирались деньги. Можно сделать вывод, что во второй четверти XVIII в. в вотчине продолжала существовать изнурительная смешанная форма ренты с непомерно возросшим изделем.

Для массы крестьян выполнение владельческих повинностей сочеталось с выплатой долгов. Как и в первой четверти XVIII в., крестьяне брали у монастыря по заемным кабалам хлеб, деньги, скот. Возвращали деньгами, работой в монастырском хозяйстве, ремесленными изделиями, сеном, дровами и т.д. Долги имели почти все крепостные. Долговая кабала была хронической. По нескольким долговым книгам за вторую четверть XVIII в., сохранившимся в фонде монастыря, можно установить, что крестьяне, не успев выплатить долг по одной “статье”, брали новый ... и так продолжалось годами. В долговых книгах 50-х гг. нередко можно встретить доимку за 40-е годы XVIII в. Платежи и отработки по кабалам в сочетании

с высокой феодальной рентой разоряли крестьянские хозяйства. При сравнении владельческих повинностей в первой и второй четвертях XVIII в. обращает внимание уменьшение натуральной части ренты во второй четверти XVIII в. Последнее произошло вследствие сокращения поступлений “пятинного” зерна. На наш взгляд, наблюдаемые явления были вызваны, во-первых, заметным падением роли земледелия в промысловой Подберезной части вотчины, во-вторых, интенсивно протекавшим расслоением крестьян. Бедные крестьянские хозяйства плохо использовали надельные земли. Разработки подсек у них также были малы. Таким образом, облегчение в платеже натуральной ренты, якобы происшедшее во второй четверти XVIII в., оказывается мнимым. Второй вывод, к которому приводит параллельное рассмотрение повинностей в первой и во второй четвертях XVIII ст. – значительное увеличение отработочной ренты в виде барщины и изделия. Во второй четверти, особенно с 50-х г. XVIII в. в северных районах страны и нечерноземья явно наметилось увеличение доли денежных платежей в феодальной ренте. А к 50-м г. – замена натуральных платежей денежными. В Александро-Свирском монастыре денежный оброк в сочетании с изделием был лишь в двух волостях. В основной же части вотчины продолжала преобладать натуральная рента. Денежные же платежи практиковались как эквивалентная замена натуральных видов ренты. Между тем хозяйства крестьян были тесно связаны с рынком и могли платить повинности деньгами. Уже в 20-30-е г. XVIII в. крестьяне вотчины боролись за замену владельческих натуральных повинностей денежным 40-копеечным оброком. А в ходе волнений монастырских крестьян начала 60-х г. требовали перевода в разряд государственных, отмечая в числе прочих преимуществ положения государственных крестьян и то, что они вносили оброк деньгами. Причины сохранения натуральных платежей и изделия в Александро-Свирской вотчине коренятся в структуре монастырского хозяйства, которое слабо втягивалось в рыночные связи. На протяжении первой половины XVIII в. методы ведения хозяйства в Александро-Свирском монастыре оставалось неизменными. В отношении своих крестьян шли по пути простого увеличения традиционных видов ренты, денежное выражение которой было в несколько раз выше того, что платили государственные и даже помещичьи крестьяне. Усиление эксплуатации крепостных власти монастыря возвели в главный принцип хозяйствования. Однако это не могло спасти монастырское хозяйство от развала, который проявился в 50-60-х г. XVIII в. Расстройство экономики, паразитизм братии, существование за счет крестьянства – эти явления характерны не только для Александро-Свирского монастыря. Таким образом, изученные материалы позволяют заключить, что вторая четверть XVIII в. принесла

крестьянам Александро-Свирского монастыря возрастание феодальной эксплуатации в её самых тяжелых и изнурительных формах – барщины и изделья. Она была непосильной не только для группы “скудных” и “среднестатейных” хозяйств, так как поглощала доходы, а нередко и необходимую часть бюджета крестьянской семьи. Высокая рента, её примитивные формы замедляли расширенное воспроизводство и “прожиточных” хозяйств. Все это обусловило активное участие крепостных Александро-Свирской вотчины в развернувшейся борьбе монастырских крестьян России за перевод их в разряд государственных.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Архив СПб. И.И. ФИР ИРАН. –Ф.3.-Оп.2. -Д.269; Оп.1.-К.26. -П.2; К.19.-П.10.
2. Там же. –К.14. -П.6; К.24. -П.5; -К.26. -П.2.
3. Там же. -К.25. -П.3,4; -К.18.-П.8; -К.19. -П.6; -К.27. -П.4.
4. Там же -К.15. - П.16;-К.18.-П.8; -К.19.-П.6; -К.22.-П.9.
5. Там же. -К.23.-П.4; -К.24.-П.7;- К.25.-П.1,3,6.
6. Там же -К.23.-П.6; -К.11.-П.2.
7. Там же. -К.24.-П.10; -К.25. -П.3.
8. Там же.
9. Там же.-К.25.-П.4; -К.26.-П.3.